

12 сент. - с. 22-23

«НА ДОЛЮ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ ВЫПАЛО ПРОЙТИ ЧЕРЕЗ МЯСОРУБКУ...»

— Для большинства российских читателей ваше имя в некотором роде белое пятно, чуть подкрашенное какими-то — может быть, даже случайно! — увиденными пьесами, выступлениями по ТВ, книжками и публикациями. Впрочем, драматург Мария Арбатова в этом отношении не одинока: начин считать — и обнаружишь хорошую и прочную компанию «белых пятен» в нынешней литературе...

— Я бы отнесла к этой компании все свое поколение... Как бы вы сами представились читателям «КО»?

— Я бы назвала себя первой писательницей-феминисткой в постсоветской стране. Впрочем, у нас в стране уже была одна писательница-феминистка — Александра Коллонтай...

Мне грех жаловаться на судьбу, потому что в нашем поколении есть люди, гораздо менее востребованные, чем я: из 13 пьес, написанных мною, почти все поставлены. Сравнительно недавно я стала писать прозу, и она сразу выходит в печать: то ли ее время подошло? То ли тема является, я бы не сказала «кассовой», но сказала бы, «интересной»? И в этом смысле мне, конечно, не стоит жаловаться на свою писательскую жизнь. К тому же недавно пришло и самое сильное потрясение последнего времени: я стала участвовать в попсовой телепередаче «Я сама» — и увидела, что сделавшая интересной всем! Для меня это было страшным обманом со стороны общества: когда я говорила: «Ребята, я серьезный состоявшийся писатель...», — меня не было. И вдруг — сижу и говорю какие-то тривиальности с телеэкрана — и оказывается, я для всех состоялась как интеллектуальная единица.

— Состоялись ли вы как «драматическая единица»?

— У меня идет достаточно много спектаклей в российской провинции: Новосибирск, Омск, Тобольск, Ижевск, Смоленск, Тольятти, Брест, Ереван...

— Брест и Ереван — уже зарубежье!

— Достаточно удачно сложилась судьба моих постановок на Западе: грубо говоря, я живу на доходы от немецких драматургических рынков. Ближайший фестиваль-биеннале — самый престижный немецкий фестиваль — будет открываться моей пьесой, которую в России так и не смог поставить театр Александра Калягина (хотя он специально для этой постановки вытаскил из Америки Лену Кореневу). Мы с ней до сих пор не можем найти спонсоров для осуществления этого проекта (правда, и Лена, и я — обе ленивые и избалованные). В этом смысле Запад более внимательно относится к нашей литературе, чем Отечество...

— ...В котором, как известно, нет своих пророков.

Один поэт-преподаватель Литературного института говорил своим студентам: «Поэзия не кормит, а только поит...» Что делает драматургия со своими рыцарями?

— Посаженная на западную основу, российская драматургия сейчас только так кормит своих драматургов. Меня стали публиковать в горбачевский период (до этого десять лет без штампа цензуры у меня не могло выйти ни строчки!). В это время моя пьеса могла быть поставлена сразу в десяти театрах — и мне казалось, что я сказочно богата

и так будет всегда. Увы, начались новые экономические отношения: сначала театр вообще перестал ставить новую драматургию, потом он к ней (и ко мне) вернулся, но механизмы

режиссер попадает в этот театр, то он происходит. Думаю, что быстрая деградация того же Васильева как режиссера — да и всего нашего шестидесятилетнего режиссерского театра — с

ценную 50-тысячным тиражом, не заплатили ни мне, ни брату ни копейки. По договору нам с братом полагалось по 19 тысяч каждому...

— Долларов?

ГЛАЗА — зеркало души. В популярной телепередаче «Я сама» драматургу Марии Арбатовой приходится смотреть глаза в глаза своим нелегким собеседникам — и одновременно многомиллионной аудитории. Неизвестно, что легче: вот так разговаривать — наедине со всем и мученным человечеством современной России по душам — или писать пьесы об этом человечестве? Арбатова удаётся и то, и другое.

Говорят, одному современному светилу медицины, определявшему болезни по радужной оболочке глаз, постоянно попадались стеклянные протезы... Мария Арбатова имеет дело только с живыми глазами. Даже если они — и протезные... профессия объявляет: драматург.

Гость «КО» — МАРИЯ АРБАТОВА.

сбора денег так и не выработались. Преемник ВААП не в состоянии собирать деньги за постановки, которые — деньги — могут идти годами, приходят на счет и становятся просто бумажками. Институт литературных агентов у нас также покамест не состоялся. Вот почему жить можно только с западных доходов, а на собственные отечественные спектакли ходить и ездить только для славы и престижа. Приезжаешь в провинциальный город, там на тебя смотрят, как на дурацкую куклу, кормят, поят, возят на машине. Потом возвращаешься в Москву — и денег по-прежнему нет как нет!

— Драматурги — нечастые гости на страницах «КО». Отсюда наши, может быть, несколько дилетантские вопросы: может ли драматург существовать — в моральном отношении — только постановками, без публикаций и книг?

— Думаю, что нет. Такого никогда не было в цивилизованном мире. Но у нас — все не так, и драматургия у нас уничтожалась гораздо мощнее, чем остальные виды литературы... Мы знаем, что цензура была жестче к кино, чем к театру, жестче к театру, чем к прозе, и жестче к прозе, чем к поэзии... Ибо в первых двух случаях тебя читал и видел не один человек, а миллионная аудитория. После того как посадили сценариста «Веселых ребят», «Волги-Волги», «Смелых людей», автора «Самоубийцы» Николая Эрдмана, наша драматургия просто отдыхла — вплоть до появления Петрушевской. Видимо, никому больше не хотелось сидеть... Да и сам Эрдман, выйдя на свободу, больше ни одной стоящей пьесы, относящейся к высокой литературе, не написал («Самоубийца» и «Мандат» — исключения).

За это время у нас была утрачена культура чтения пьес до такой степени, что, во-первых, театр превратился в режиссерский театр, когда тот же Анатолий Васильев вырастил несколько поколений на фоне своих деклараций про «телефонную книгу», которую он якобы в состоянии поставить. Драматургия для него — повод для размышлений. И это в то время, когда весь мир знает, что драматург пишет свой театр. Если

тем и связана, что пьеса для них существовала только как повод для собственных размышлений. А пьеса — это прежде всего литературный и поэтический жанр. Покажите мне человека, который не считает книгой Шекспира, Чехова, Уильямса? Просто они пишут так: с одной стороны страницы: кто говорит; с другой: что говорит. Но все остальное происходит в координатах той же логики, что и любая художественная книга. Хотя, конечно, жанр — совершенно другой! Начав сейчас писать прозу, я столкнулась с тем, что не умею ее писать и мне труднее научиться ее писать: когда я приступаю к прозе, я вижу, как персонажи ходят по сцене... Я не в состоянии иногда написать то, что у меня подразумевается, исходя из знания театральной реальности.

— Раз мы заговорили о книгах, как складывалась ваша книжная судьба?

— У меня вышла книжка с тремя пьесами в Гуманитарном фонде, которому я очень благодарна: я — человек ленивый и могу работать только с теми издателями, которые приходят ко мне домой, дают подписывать договор, а потом привозят готовые книги. В этом смысле Гуманитарный фонд был для меня просто находкой: книга вышла феерически быстро! Она получилась симпатичной...

— Годы три назад вышла ваша книжка, далеко отстоящая от драматургического жанра. Помните, ее выход сопровождал скандал...

— Речь идет о моей второй книге, которую я написала в соавторстве со своим двоюродным братом Питером Дедманом (он англичанин). В самом деле, она была бестселлером, который стоял в каждом доме. Мой брат, как доктор Спок, спровоцировал «натуральную волну» на Западе: он первым открыл магазины и рестораны натуральной пищи в Англии, хотя до этого был ...хиппи, покуривал марихуану... Но я, видимо, относясь к людям, которым по размещению звезд в момент рождения не суждено быть богатыми: мы собились с братом издать коммерческую книгу, заключили договор с издательством «Культура и традиция» и группой «Шарм», которые меня, конечно, лажанули — и за книгу, выпу-

— «Деревянных»! Мне трудно было объяснить эту сумму брату, но речь идет о периоде начала нашей инфляции, когда эта цифра что-то значила. Издатель — моя знакомая Маргарита Ломунова — сказала: «Мы, конечно, интеллигентные люди. Ты же понимаешь, что мы все тебе выплатим...» Вот так они тянули и тянули. В результате на память об этой истории и лично г-же Ломуновой у меня осталась книга «Натуральное питание, лечение и косметика», вышедшая в 1992 году. Это не книга рецептов — это книга про образ жизни. Я все равно рада, что она вышла большим тиражом, и мне пришлось много писем от читателей...

На этом мои издательские дела закружились: книжка, лежащая в «Прогрессе», и по сей день не сдвигается с места. Я была бы рада, если бы появился спонсор, способный ее издать. К тому же пора издавать новую, более полную книгу моих пьес, но боюсь, это первыми сделают немцы. Так уже часто было в моей биографии.

— Остается надеяться, что вопреки сложившемуся правилу, может быть, кто-нибудь из издателей России заинтересуется после публикации нашего разговора вашим творчеством... Будем надеяться!

— Парадокс состоит в том, что, существуя в нынешнем статусе телезвезды (говорю об этом с достаточной долей иронии), я знаю, что любая моя книга будет сейчас рыночной. Хотя бы потому, что в метро меня узнает каждый второй человек, беззастенчиво дергает, предлагает послушать его историю... Это ли не потенциальный покупатель!

— Получается, что для сбора материала на новую книгу вам достаточно ездить по кольцу метро?

— Дело в том, что в этой ситуации наружу вылезает все наше хамство. Если раньше люди были для меня, как закрытые бутылки, то сейчас, когда они меня видят, у них как бы вылетает пробка и сразу ощущается запах и вкус содержимого. Я стала менее демократичной, потому что психическое нездоровье, которым отличается наша страна сегодня, — чудовищно и парадоксально. Телевидение занимает в сознании человека совершенно нездоровое

место; оно заменяет ему сейчас буквально все: партокм, Господу Бога, подруг и друзей, которым можно излить душу, спецраспределитель, куда можно пожаловаться и чего-то потребовать... Мне звонят какие-то бесчисленные бабы со своими проблемами. Одна требует, чтобы я воздействовала на ее мужа потому, что он гуляет; другая — чтобы я немедленно позвонила американским феминисткам, поскольку ее муж уехал в Америку и не платит алиментов... Такая коллекция множится с каждым днем.

— Поговорим о книге. Как вы полагаете, остается ли в наше время книга тем же явлением духовной жизни человека, каким она была в былые годы?

— Недавно видела одно социологическое исследование, согласно которому, люди, в основном, читают в юности и — после 50 лет. Я сейчас чувствую по себе, насколько мне из-за моего ритма жизни стало труднее читать, чем это было раньше. Мы, люди пишущие и читающие, привыкли находиться в эротических отношениях с книгой. В последнее время из-за недостатка общения с книгой я впадаю просто в истерическое состояние. Вхожу в комнату и вижу, как у меня на столе растет стопа книг, которые необходимо прочитать. А там — и вторая стопа появляется... Может быть, в связи с этим я — словно по Фрейд — иногда заблеваю и радостно понимаю, что заболела именно затем, чтобы ослепить накопившиеся на столе книги.

Вообще-то мы — поколение, читавшее самиздат на ксероксах. Мне не надо добираться того, что читают люди старше меня по возрасту. Например, для моей мамы половина книг и имен появилась только сейчас: раньше это было антисоветской гадостью. Я же не успеваю читать то, что появляется в литературе сегодня.

Особенно внимательно, конечно, слежу за женской прозой. Считаю, что у нас появилась качественно другая женская проза: на смену асексуальной женщине-писательнице типа Петрушевской или Толстой приходит новый тип. Кстати, Эдуард Лимонов замечательно сказал: Толстая пишет старушечью прозу. В этом смысле «старушечью прозу» пишет и она, и Петрушевская, и Нарбикова, и Садур... Все они — люди достаточно талантливые, но абсолютно табуированные сексуальностью. «У нас секса нет!» — вот как называется вся литература той же Петрушевской. У нас есть только горе, бедность, грязь, кровь... Или — у нас нет ничего, кроме секса! Так называется вся литература у Нарбиковой.

— Как вы полагаете, что же все-таки у нас есть?

— Только беда — если следовать мифологии упомянутых писательниц. Несмотря на бесчисленное количество метафор, используемых в описании эротических отношений, проза Нарбиковой оставляет ощущение писательской фригидности. И это то, что меня пугало как феминистку — при первых столкновениях с женской прозой. Но вот появилась плеяда совершенно других авторов. Это прежде всего Светлана Василенко, Ирина Горланова, Ирина Полянская, Марина Палей (совершенно удивительная писательница!)... Все они пришли в литературу с правом на собственную сексуальность, при том, что все

они — более или менее реалистические писатели.

Недавно включал телевизор и застаю обрывок передачи, где Виктор Ерофеев объяснял — примерно, как раньше это делал секретарь Союза писателей, — как надо писать: мол, если завтра мы все не станем постмодернистами, то рискуем превратиться в литературную провинцию. Такой повеяло казармой. Я пришла в ужас. Сама я не считаю, что будущее нашей литературы в постмодернизме и в том, как его понимают люди, продающие его сегодня на Западе. Конечно, какие-то элементы постмодернизма есть сегодня у каждого из нас, но я считаю, что в таких декларациях нет ничего, кроме комплекса неполноценности по отношению к Западу. А у меня всегда с этим было нормально! Даже наоборот — у меня комплекс суперполноценности от своей географической причастности к русской литературе.

— С кем вы связываете надежды в нашей нынешней драматургии?

— В свое время я была членом клуба-лаборатории новой драматургии, где, на мой взгляд, собирались самые перспективные авторы. С этим клубом-лабораторией я соотносила себя поколенчески. Там были такие писатели, как Александр Семплерский, Елена Гремина, Михаил Угаров, Олег Юрьев, Александр Железцов, Тамара Василенко... По тому, как сложилась судьба этих писателей за последние годы, можно отслеживать результаты того, как общество и наш театр не воспользовались достоинствами современной российской драматургии... А людям надо было жить! Олег Юрьев эмигрировал и сейчас пишет чисто эмигрантскую прозу стандартного русского писателя, живущего в Германии. Таких сегодня миллион! Тамара Василенко ушла торговать недвижимостью. Александр Семплерский, на мой взгляд, самый яркий и блистательный писатель из всей этой компании, не обладает достаточной долей деловитости и конъюнктурности для того, чтобы «идти» в театрах в этой стране. Он идет в Италию, Германию, но в России у него сегодня нет ни одного спектакля. Елена Гремина и Михаил Угаров ушли в своего рода историческую прозу — что-то вроде Пикюлы, только чуточку интеллигентнее. Александр Железцов — комедиограф. С ним все было ясно, пока на дворе стоял застой

и было кого обличать. Сегодня, судя по его последней пьесе, он как комедиограф выглядит бесполезно. Ну, вот вроде бы, и вся компания!

Получилось, как у Пушкина: «Остался в лодке я один...» Очень грустно. Но у меня нет ощущения, что с нами все кончилось. Я вижу по крайней мере двоих блестящих ребят. Это Андрей Вишневский и Ксения Драгунская. Одаренные, просто блестящие ребята! Они очень разные. Они наступают постоянно на те же грабли, что и мы когда-то наступали, потому что не хотят у нас учиться. Но, может быть, в этом и есть святая правда. Что парадоксально — и тот, и другая — писательские дети. Это говорит о том, что только в нашем кругу еще сохранилась возможность жить на писательский труд и жертвовать многим во имя верности идеалам юности. Понимаю, что со временем у нас появится университетская среда... Сейчас же творческая среда распалась — мы пришли к нулевому результату. Иногда я в порыве самоидентификации иду по старым точкам и вижу сгоревший Дом актера, в котором тусовалась когда-то вся театральная тусовка... Я вижу вымерший Дом литераторов, в ресторане которого сидят новые русские, потому что писатель в этом ресторане нынче не способен купить себе даже чашку кофе... На смену распавшимся тусовкам приходят совсем другие. У этих других — другие правила игры. Появляется культура тусовки, которая мне как бы симпатична, но я не люблю, когда мне пытаются ее выдать за культуру литературной среды. Это разные вещи! У нас была тусовка — у нас была литературная среда.

Конечно, мы сейчас идем в сторону демократизации общества. Конечно, мы должны многое пережить и перетерпеть. Но все равно обидно, что это выпало на долю нашего поколения. Иногда сейчас можно услышать: «Я хочу жить в развитом капитализме...» К сожалению, мы все будем так пушечным мясом — и все наши писательские судьбы пройдут через эту мясорубку...

Беседовали
Александр ШУПЛОВ
и Дэн СОЛНЦЕВ.

Рисунок Евгения ГАРКУШИ.

Фото Александра ЛЕМЕЦКОГО.

